

ЧТО ТЫ ВО МНЕ НАШЕЛ?

Спроси: «Что ты во мне нашел?»,
Стыдливо чуть пожав плечами.
Так спрашивает марлю шелк,
Блестя невинными очами.

ПЛАТЬЕ

Существует ли жизнь на Марсе?
Вертится земля или нет?
Быть иль не быть? В чьей власти
На все это дать ответ?

Нет предела у любознательности
Человечества, как такового.
Все узнать! Никаких неясностей!
Я один из теста другого.

Единственное хочу знать я:
Для кого ты одела платье?

РИФЫ

Ищу слова, вытягиваю рифмы,
Пытаюсь слову чувства покорить
И не коралл — гитаровые риффы —
О том, как на один и тот же риф мы
Без сговора сумели наскочить!

Ладьи твоей прекрасные осколки
В костер сигнальный бросить не спеши.
Давай повеселимся же, поскольку
Соприкоснулись мы с тобою лишь настолько,
Что телу не добраться до души.

ВЫХОДНОЙ

(как бы Агния Барто)

Что такое воскресенье?
Воскресенье — выходной!
За окошком птичье пенье
И моторов рев дурной.

Солнце длинными лучами
Достает под козырек,
И в бутылке с мерзлым чаем
Поднимает пузырек.

Вдаль зовет природа, речка,
Зелень вязов и берез.
Отчего же рядом с печкой
Я едва ли не замерз?

Может, от того, что рядом
Нет кого-то с нежным взглядом?

НАЙДУ

Я искал тебя целый день.
Я заглядывал в лица прохожим.
Мне казалось, что ты где-то рядом,
Там, где с неба падает снег.

Я смотрел на деревья и думал,
Что, наверно, они с тобой дружат!
Если так подставляют плечи
Под замерзший декабрьский дождь;

На меня освещенные окна
Не моргая глядели долго.
Я не понял, что же им нужно,
Если им неизвестно, где ты.

А машины на всех дорогах
Подхалимски включили фары,
Будто тоже поиском заняты,
Но никак не могут найти.

Иногда, казалось, я слышу —
Ты смеешься за моею спиной.
Иногда мне чудилось, будто
Ты хватаешь меня за рукав.

Хоть тебя и не встретил сегодня
Все равно знаю: ты была рядом.
Я найду тебя непременно.
Я найду тебя, так и знай.

РАЗЛУКА

Как невозможно долго,
Долго, долго, как долго,
Долго тянется ожидание!
Я прилагаю старание:
Времени черепаху
Ногой пинаю под зад,
Бегаю вперед-назад,
Голову примеряя на плаху.

И все-таки долго, долго,
Как устрашающе долго,
Долго тянется одиночество!
Вроде бы уже не отрочество,
А безумие то же:
Все так же сверлит башку,
Нервов тугую кишку
Мотает на постылые рожи.

Просто чудовищно долго,
Долго, долго, как долго,
Долго длится разлука!
Какая изощренная мука:
Во сне испытывать счастье,
Тебя в сновиденьи обняв,
А просыпаясь в явь
Сжимать пустые объятия.

Катастрофически долго,
Долго, еще дольше, долго,
Долго тащится день!

Трамваи лениво динь-день,
Задорно издеваются птицы,
Сигая с ветки на ветку,
Смеются в лицо человеку.
А дню еще длиться, длиться...

Невыносимо долго,
Долго, Боже, как долго
Еще до конца недели!
Друзья надоесть успели
Своей простодушной наивностью,
Пытаясь узнать, в чем дело
И утешать неумело,
Надеясь пробить взаимностью.

А мне еще долго, долго,
Еще бесконечно долго,
Долго ждать этой встречи!
Но все же наступит вечер,
Твою поцелую я руку,
С миром бесцветным прощусь,
И в глазах твоих утоплюсь,
В кровавые клочья изрезав разлуку!

ПРЕДСТАВЬ

Представь на минуту такую картину,
Как будто бы Боль улетела с земли:
Залезла в воздушного шара корзину
И затопила свои корабли.

На улицах свалены в кучи зеленка,
Пластырь и йод, хирургический шелк.
И птицы поют так по-новому звонко
Тому, кто забыл в анальгетиках толк.

Пылают кострами разлучные письма.
В них корчатся строки: «Прощай. Ухожу.»
Дымы от костров коромыслом повисли,
Я их как лужи с дерьмом обхожу.

Сгорают бесследно пустые объятья,
И звуки пощечин, и слезы измен.

Обида и Страх — малокровные братья —
Давно превратились в дымящийся тлен.

Веселый огонь, Арлекин по природе,
Танцует мориску — стопа на носок.
Он в профиль похож на Ди Каприо вроде,
А спереди вылитый Альфред Хичкок.

КАКИЕ ОДИНОЧЕСТВА БЫВАЮТ

Какие одиночества бывают?
Бывает одиночество в трамвае,
Когда погашен свет и спит кондуктор,
А старенький охрипший репродуктор
Устало сообщает: «Едем в парк».
Стучат колеса, словно крышки парт.

Бывает одиночество в толпе,
Где лиц так много, только все не те.
И ищешь ты глаза, а видишь спины,
К которым липнет жалостливой псиной
Простуда, насморк и температура,
Раздаривая кашля партитуры.

Бывает одиночество в пустыне.
Когда слепящий белый шар остынет,
Отдав тепло, забудется песок,
Песчинкой каждой мертв и одинок,
Сухими снами. Небо смежит веки,
Как будто здесь и нету человека.

Мое же одиночество — внутри.
Ему так хочется с тобой поговорить
И ждет звонка, как сына ждут с войны —
Ведь иногда же возвращаются сыны.
Тобой наполнено, как океан водой.
Ты дышишь мной, а я дышу тобой.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Зачем глаза заволакивает тебе грустью?
Зачем пустые слова? Просто бери и чувствуй!

Плавится в собственном стука раскате
Сердце из ваты.

На губы приходит неведомый ране оттенок
Горячечных венков.

Легкие просят еще им добавить дыхания
Почти до потери сознания.

Но талия стянута обручем рук крепких,
И кружатся ветки

Над головой в прозрачного неба вершине,
Как в гололед машины.

Здесь и сейчас, и больше нигде! Хватит!
Пусть злюка зима снег свой в глаза катит,

Но здесь и сейчас, и больше нигде, совершается чудо:
В единое чувство сливаются телом люди.

Я ВЕРЮ

Киты покидали уютную бухту,
Черная кожа блестела на спинах.
Их крики, неслышные нашему слуху,
Неслись, растворяясь, в зеленых глубинах.

На белом песке, словно черная точка,
Винтом перерезанный мертвый китенок —
Киту милый сын или милая дочка —
Оставлен без теплых соленых пеленок.

Им тесно вдвоем: человеку и зверю
В большом океане, как в чайном стакане.
Но я все же верю, я все-таки верю,
Что время для дружбы их снова настанет.

Я ИЗ ТЕХ

Я из тех, кто погибает на войне
Не героем, рядовым солдатом.
Я из тех, кого на суд толпе
Отдают ни в чем не виноватым.

Я из тех, кто, покупая хлеб,
На прилавке забывает сдачу.
Я из тех, кто спринтерский забег
Проиграл, но все-таки не плачет.

Может, нас не много на земле,
Может, ты таких вообще не встретил?
Не переживай, ведь мы из тех,
Кто не попадает на вертел.

НАДЕЖДА

Никогда не изольется дождь
На траву, засохшую от жажды.
Разве можно вновь зажечь звезду,
От тоски погасшую однажды?

Сложится ли вновь разбитый кубок,
Брошенный на каменный помост?
Обнажится ли души обрубок,
Если в нем забит был ржавый гвоздь?

Утолит ли жажду пыль в кювете?
Напитает ли желудок звук?
Успокоит ли кого движенье
Слабых, вялых, равнодушных рук?

Все навеки в мире тлен и пепел.
Но надежда теплится в груди
На Того, Кто блуднице ответил:
— Я не осудил тебя. Иди.

РОЛЬ

На худсовете все идет прилично.
Актеры труппы заняли места,
Присутствует сам автор пьесы — лично!
Главреж поправил бабочку и встал:

— Друзья, быстрее распределяем роли,
Не то остынет борщ и скиснет холодец.
Всем хочется отмучиться, рвануть на волю,
А мне в метро еще трястись в другой конец.

Я скромно жду коллег в углу на стуле.
Хочу курить, но здесь запрещено.
Мне ясно, кто всем этим балом рулит.
Закинув ногу на ногу, гляжу в окно.

На главную назначен Осипенко.
Ну что ж, Народному везде у нас почет!
За женскую передрались Лариска с Веркой:
Вот-вот с ресниц брасматик потечет!

С любовником все стало ясно сразу:
Круглов, кому ж еще играть?
В нем благородства, сколько и заразы,
И водку он умеет разливать.

Эпизодические роли уже слиты,
Уже массовка двинулась в буфет.
Актеры горделиво-деловиты,
Актрисы в зеркальца наводят марафет.

— Одна осталась роль. — Главреж замялся.
То за ухом почешет, то икнет. —
Предатель. Он один остался.
Кто роль предателя возьмет-рискнет?

Конечно, лавров здесь не будет точно,
Наград и званий не дадут, увы.
С поклонниками встреч не будет очных,
И мимо пронесут другим цветы.

Но роль важна! Она меняет вектор,
Всего сюжета поворот крутой.
С ней слава выпадает редко,
Предателю — позор, закон такой.

Над залом тишина повисла ватой.
Летает муха поперек и вдоль.
Глаза все опустили виновато.
И я сказал: «Давайте вашу роль!»

Вздохнули облегченно. Финиш. Баста.
Кто на автобус, кто и на такси,
Кому пешком — здесь метров полтора,
Кого служебкой обещают развезти.

На улицу я вышел не последним.
И первым я не рвался никогда.
Не первый я, но вовсе не из лени.
Последним быть — последние дела.

Мне главные не достаются роли.
Но разве это повод слезы лить?
Но и массовка — Пети, Васи, Коли —
Не могут мое солнце заслонить.

Процесс пошел. Я зазубрил на память
Свой текст. Примерил свой костюм.
Замучит жажда — воду пью из крана,
А для работы мозга ем изюм.

Калейдоскопом трудовые будни,
Прогоны, репетиции, аврал,
Интриги, сплетни, пьянки, блудни.
Тот вовсе не пришел, а тот проспал.

Но стал я замечать такую штуку:
Не каждый раз мне стали пожимать
К приветствию протянутую руку,
И взгляд то отводить, то опускать.

А за спиной шушуканье и слышно,
Как будто кто-то сплевывает вслед.
В буфете за столом теперь обычно
Я в одиночестве жую обед.

Молчит мобильный. Раньше надрывался!
Кому ни позвоню — тот занят, тот устал.
В хрустальной вазочке лежать остался
Второй билет: Шахтер, полуфинал.

Жена сбежала к теще с чемоданом.
Оставила записку: «Не могу
С предателем я на одном диване».
С тех пор от них не слышно ни гу-гу.

Я как туберкулезник в карантине.
Забайкотирован. Снесен к чертям в игнор.
Завяз по уши в липкой паутине.
Предатель... Не убийца ведь, не вор!

И вот премьера! Зал забит под крышу.
Актеры в мандраже, рабочие в поту.
Звоночек третий краем уха слышу.
Тушу окурок. Выход мой. Иду.

Сюжет зигзагом завернуло в пьесе.
Героев искалечена судьба.
Трагична пьеса и финал не весел:
За счастье их проиграна борьба.

Я не хотел такого поворота.
Я никому не мстил, зла не желал.
Я просто выполнял свою работу:
Я просто роль предателя сыграл.

ТЕСТЫ РОРШАХА

Я внимательно разглядывал картинки.
Силился понять, что же на них.
Я в волнении чертил носком ботинка.
Я боялся: доктор скажет, что я псих.

Доктор постучал мне по коленке
Маленьким блестящим молотком,
Заглянул в лицо мне глазом едким —
Поразить, наверное, хотел своим умом.

Из больницы вышел я смущенный:
Доктора забрали в психдурдом.
Доктор оказался малахольный,
Тесты оказались ни при чем.

ДРАКОН И УЛИТКА (почти басня)

Мне выпала невиданная честь:
Моллюску редкостную съесть.
На языке её смакуя вкус,
Я долго не решался на укус.
Но, наконец, проглочена еда,
Улитки не осталось и следа.
Однако что-то странное внутри меня творится:
Улитка, вроде бы, давно должна перевариться,
Но, чувствую, случилась там беда.
Улитка изо рта попала не туда:
Нет, чтоб по горлу и в желудок лечь.
Она мне умудрилась в сердце влезть.

Таков итог зубастых и шальных:
Глядишь, уж не они едят, а их.

СКОРОСТЬ

Мы движемся быстро слишком.
В окне, полосами чертя,
Несутся каштаны и вишни,
Головы очертя.

И все же дело не в скорости.
Кого ей сейчас удивить?
А в тонкой сердечной поросли,
Скрученной в нить.

ПОЧЕМУ У МАКА ЧЕРНАЯ СРЕДИНКА?

Почему у мака черная срединка?
Отчего червонный он лишь наполовинку?
Было б здорово ему красным быть всецело:
Был бы символом любви он на свете белом.
От того, что черная спекшаяся рана
С кровью, вытекающей из объятий рваных,
Для цветка моделью служит полевого,
Если ты сегодня спишь на плече другого.

ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Ты спросила: «Чего ты хочешь?»,
А в глазах дрожала слеза.
Откровенность — заслуга ночи,
Тут уже не свернуть назад.

Я хочу... Так сложно признаться,
Что желания невелики:
Если можно — почаще встречаться,
Если можно — касаться руки.

Ну а если висок и губы
Поцелуем на миг слились —
Тут уж больше желания будет.
Тут уже не желание — жизнь.

Ты спросила: «Что тебе нужно?»
И в словах читался упрек.
Я потупил глаза сконфуженно.
Разве я надеяться мог?

Нужно много мне, очень много.
Как, не знаю, достичь полноты?
Нужно то, что очень уж дорого.
Ты нужна мне, мне нужна ты.

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Вот история о падающих звездах,
Продырявивших собою небеса:
Пролетая, зажигают они воздух,
А сгорая, исчезают, как роса.

Их полет стремителен, недолог.
Утром их не будут вспоминать.
Но к падению у них серьезный повод:
Людам хочется желанье загадать.

Загадай, сестра, желание скорее!
Видишь, с неба падаю звездой.
Я лечу и думаю: успела б
Счастье загадать, пока живой.

ЕСЛИ БЫ

Если бы слово «люблю»
Было легким, как слово «да»,
Если бы слово «люблю»
Было жадным, как слово «еще»,
Если бы слово «люблю»
Говорилось просто, как «пить»,
Если бы слово «люблю»
Ты могла сказать мне в ответ...
Я не знаю, взорвалось бы солнце,
Может, небо рухнуло в пыль,
Или золотом стала бронза,
Черным стал бы сивый ковыль?
Точно знаю, что стал бы счастлив
Человек один на земле.
Но не знаю, хватило бы счастья
На двоих — тебе и мне?

НЕПОСТИЖИМО

Гнезда ждут улетевших на юг птиц.
Зимний лес, когда снова оденет его лист.
Зерна в бороздах ждут согревающий их луч.
Ледники, когда водопадами ринутся с круч.

Все вернется к истокам, все будет вновь:
За зимою — весна, за закатом — рассвет, любовь.
Но вернется ли та, что уходит сейчас с другим?
Познаваем мир нами и все-таки непостижим.

Е-ПОЧТА

Я весь превратился в слух. Я слушаю.
Почтовые строки не бог весть что, ушлые.
Не так велико уж сечение провода:
Я нежность пустить по нему пробовал.
Пробовал гладить на расстоянии локоны.
Волной, просочившись сквозь стекла окон, и
Знакомые стены и потолки надоевшие
Раскрасить нежданно и вдруг черешнями!
И, если возможно, случилось, чтобы
На десяти этажах перекрыть выходы-входы
И никому чтобы сюда не достучаться,
А мне и тебе ненадолго, но вместе остаться.
Чтоб самый догадливый в мире гений
Не смог отличить твою от моей тени.
Возможно, я слишком уж прям? Бывает.
Люблю, когда лед, наконец, тает,
Когда распускается белый цвет абрикоса,
Люблю в одуванчик пахучий залезть носом.

ИЗНАНКА МИРА (СТРАННОЕ МЕСТО)

Мы с тобой оказались в удивительном месте:
Здесь мы вместе вдвоем и, вроде, как будто не вместе.
Каждый занят как бы самостоятельной жизнью.
Здесь движения резки, а звуки, как дети, капризны.

Здесь глазами впадают то в крик, то в молчанье,
А рукам здесь видней то, что скрыто от пристальных глаз.
Счастьем здесь почему-то все называют отчаянье,
А отчаянье топят в трясине незначащих фраз.

Здесь хотелось бы мне говорить откровенно с тобою,
Но слова, как ножи — вероятно, здесь климат иной —
Входят в плоть глубоко, разделяя дыханье с душой,
Отрезают от ночи мне сон, а от сна отрезают покой.

Даже в воздухе здешнем творится неладное что-то:
Я шепчу о любви и о муках хочу рассказать,
А до слуха тебе доносится только икота,
Да упреки жестокие, что ни пером описать.

Я пою, а из горла доносится гада шипение.
Я пытаюсь лететь, только чувствую — телу привычной ползти.
Даже вера здесь вовсе не вера — сомнение.
Стрелка компаса вряд ли сможет здесь север найти.

Я спасения руку тяну, а выходит, что в омут толкаю.
Я целую и кажется, нежно касаюсь тебя,
А на самом-то деле в артерию больно кусаю
И царапаю в кровь, заражением страшным губя.

Что б ни сделал я здесь — все навыворот, наоборот:
В отражении вижу красавца, значит на деле — урод.

КАЛЛИГРАФИЯ

Ты знаешь наизусть все знаки.
Не труд слова из них сложить
И смысла шелковую нить
С лица пустить или с изнанки.

Каллиграфические рамки
Не в силах уместить полет
Твоих кистей. Простор зовет
Оставить тушью след на белом.

Но вот загвоздка: этот знак —
Такой известный в мире целом —

Не получается никак,
Его ты пишешь неумело.

Рука растерянно дрожит,
Шевелятся сомнением губы.
Здесь провести черту! И тут бы!
И был бы сей вопрос закрыт.

Глубинный смысл был бы постигнут.
Нюанс, оттенок — не секрет.
И наступил бы тот момент,
Когда орда сомнений гибнет!

Но ты кладешь свой штрих неверно,
Хотя все силы, чувства все
Как наяву, так и во сне,
Вложила в этот пасс, наверно.

Хочу помочь тебе, ведь знаю,
Что для того, чтоб вышел знак,
Ни магия, ни зодиак
Таких узлов не заплетают.

Беру твою ладонь в свою,
Держу, как трепетную цаплю,
Макаю кисть, снимаю каплю,
И на бумагу подаю.

АННИГИЛЯЦИЯ

Луч провалился радарный,
Зеленый, не вызвав всплеск.
Тычется в небо бездарно.
А неба-то уж и нет!

Вся кислородная толща,
Что сдавливала бока,
Не блещет ионами больше,
Не гонит вдаль облака.

Крыло, потеряв опору,
На землю бросило птиц.
Разбиться им было бы впору...
Да некуда падать вниз.

Буры и зонды тщетно
Привычную ищут твердь.
Сигналы кровавого цвета
Затеяли круговерть.

Блестят телескопные стекла
Как бельма незрячих глаз.
Галактика в них поблекла
Как брошенный в воду алмаз.

Все время и все пространства,
Изгибы магнитных полей,
До самого малого кванта —
Что было пропитано ЕЙ —

Исчезло мгновенной вспышкой
Сошедшихся антимиров.
Вселенной не стало. Крышка.
Но я сохранил любовь.

СПОР С КЛАССИКАМИ

Я не стал бы вести спор с Фидием,
Не затеял бы диспут с Праксителем,
Чистоту обсуждая линии.
Вряд ли выйду я тут победителем.

Но нужна ли победа Пиррова,
Если взгляд примагничен намертво
Твоей талией неоампировой,
Как бозоны Хиггса коллайдером?

АГАПЭ

Теплые капли крови
Падают в сухую пыль.
Это не лживое слово.
Это не сказка, а быль.

Пустынный холм за стеною,
Грубый тяжелый крест.
На нем, окруженный толпою,
Висит Владыка небес.

Что ж Он не сходит, терпит
Позор на глазах у всех?
Если Он царь — пусть ответит
На оскорбленья и смех!

Но весь секрет благодати
И милости весь секрет
В том, что пришел Создатель
Принять на себя нашу смерть.

Все муки, печали и горе
Забрал у нас, а взамен
Дал счастья и радости море,
Греха уничтожив плен.

Дал новое сердце и разум.
Но главное, Он подарил
Любовь, что объемлет разом
Всю землю, все небо, весь мир.